

ДИАЛОГ С СОВРЕМЕННОКАМИ

Научная статья

УДК 821.054.7.0

<https://doi.org/10.22455/Emigr.3034-3518-2024-2-116-143>

<https://elibrary.ru/THPHFR>

П.М. БИЦИЛЛИ И РУССКАЯ ПРАГА: К ИСТОРИИ ВЗАИМООТНОШЕНИЙ

© 2024 г. М.В. Ковалев

Аннотация: Статья посвящена взаимоотношениям П.М. Бицилли с интеллектуальной средой русской Праги 1920–1930 х гг. Акцент делается на сюжетах, которые не получили широкого освещения в историографии. На основе неизвестных ранее архивных документов обрисовано участие профессора в деятельности пражских эмигрантских организаций, например, в Русском историческом обществе. Особое внимание уделено контактам с членами Археологического института имени Н.П. Кондакова. Взаимоотношения П.М. Бицилли с русской Прагой интересны не только в контексте биографии ученого, но и в связи с потребностью понять особенности связей между различными эмигрантскими центрами, выявить механизмы интеллектуальных коммуникаций.

Ключевые слова: П.М. Бицилли, Прага, Чехословакия, русская эмиграция, Русское историческое общество в Праге, Археологический институт имени Н.П. Кондакова

Информация об авторе: Михаил Владимирович Ковалев — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, Институт всеобщей истории Российской академии наук, Ленинский проспект, д. 32а, 121069 Москва, Россия; старший научный сотрудник, Архив Российской академии наук, ул. Новочеремушкинская, д. 34, 117218 г. Москва, Россия.

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-4722-818X>

E-mail: kovalevmv@yandex.ru

Для цитирования: Ковалев М.В. П.М. Бицилли и русская Прага: к истории взаимоотношений // *Emigrantica*. М.: ИМЛИ РАН, 2024. Вып. 2: П.М. Бицилли и гуманитарная наука русского зарубежья / сост. М.А. Васильева, науч. ред. М.А. Васильева, А.В. Бакунцев, ред. А.В. Протопопова, М.С. Щавлинский, Д.В. Зайцев. С. 116–143.

<https://doi.org/10.22455/Emigr.3034-3518-2024-2-116-143>

Research Article

This is an open access article Distributed under the Creative Commons Attribution-NoDerivatives 4.0 (CC BY-ND)

PIOTR BITSILLI AND RUSSIAN PRAGUE: ON THE HISTORY OF RELATIONSHIP

© 2024. Mikhail V. Kovalev

Abstract: The article is devoted to the relationship of Piotr M. Bitsilli with the intellectual environment of Russian Prague in the 1920–1930s. The emphasis is on subjects that have not received wide coverage in historiography. On the basis of previously unknown archival documents, the professor's participation in the activities of Russian émigré organizations in Prague (for example, in the Russian Historical Society) is described. Particular attention is paid to his contacts with members of N.P. Kondakov Archaeological Institute. Relationship of Piotr Bitsilli with Russian Prague are interesting not only in the context of his biography, but also in connection with the need to understand the features of the connections between different émigré centers, to identify the mechanisms of intellectual communication.

Keywords: Piotr M. Bitsilli, Prague, Czechoslovakia, Russian emigration, Russian Historical Society in Prague, N.P. Kondakov Archaeological Institute.

Information about the author: Mikhail V. Kovalev, PhD in History, Senior Research Fellow, Institute of World History of Russian Academy of Sciences, Leninsky av. 32a, 121069 Moscow, Russia; Senior Research Fellow, Archive of Russian Academy of Sciences, Novocheremushkinskaya St. 34, 117218 Moscow, Russia.

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-4722-818X>

E-mail: kovalevmv@yandex.ru

For citation: Kovalev, M.V. “Piotr Bitsilli and Russian Prague: on the History of Relationships.” *Emigrantica*. Issue 2: Piotr M. Bitsilli and the Humanities of the Russia Abroad, comp. M.A. Vasilieva, sci. ed. M.A. Vasilieva and A.V. Bakuntsev, ed. A.V. Protopopova, M.S. Shchavinskii, D.V. Zaitsev. Moscow, IWL RAS Publ., 2024, pp. 116–143. (In Russian)

<https://doi.org/10.22455/Emigr.3034-3518-2024-2-116-143>

Сегодня уже хорошо известно, сколь большую роль играла Прага в научной и культурной жизни русской послереволюционной эмиграции. Она не только концентрировала интеллектуальные силы диаспоры, но служила важным связующим звеном во взаимоотношениях между разными центрами Зарубежной России — Парижем, Белградом, Берлином, Софией, Харбином. Она притягивала к себе эмигрантских деятелей из разных уголков русского рассеяния. П.М. Бицилли был заметной фигурой в жизни русской Праги, хотя его участие в ней было в большей степени дистанционным. Как установил М.А. Бирман, проанализировав заграничные командировки профессора, именно в Прагу тот ездил больше и чаще всего [3, с. 125]. Тем не менее детальное изучение личных и деловых контактов П.М. Бицилли с соотечественниками, жившими и работавшими в Чехословакии, является крайне непростой задачей. Причина кроется в тематической и хронологической фрагментарности сохранившихся архивных материалов, тем более что документальное наследие самого П.М. Бицилли, находящееся в Пушкинском Доме, по-прежнему недоступно широкому кругу исследователей. И все же нельзя сказать, что взаимоотношения ученого с русской диаспорой в Праге никогда прежде не изучались. Напротив, исследователями успешно освещены ее различные стороны, как, например, контакты Бицилли с евразийцами и его отношение к этому движению [1; 2; 7; 8], связи ученого с литературоведами А.Л. Бемом [4; 32] и Д.И. Чижевским [5], взаимоотношения с семьей Флоровских [6]. Потому в предлагаемой статье нет смысла повторять уже известные факты, а разумно сосредоточиться на тех сюжетах, которые находились прежде в тени, не были вовсе освещены или вызывают споры.

До сих пор остается открытым вопрос: почему Бицилли, часто сетовавший на вынужденную балканскую «провинциальность», так и не перебрался в Прагу. Такую возможность многим ученым давала «русская акция» чехословацкого правительства, в том числе и тем,

кто, как и Петр Михайлович, в первые годы эмиграции оказались в Болгарии. Т.Н. Галчева и И.В. Голубович, опираясь на материалы переписки семьи Флоровских, предполагают, что в начале 1922 г. у Бицилли имелась возможность для переезда из Скопье в Прагу. Пытаясь объяснить, почему он ею не воспользовался, исследователи допускают, что профессор счел представленный шанс недостаточно надежным и потому от переезда отказался. Они сожалеют, что достоверных свидетельств крайне мало, а это вынуждает руководствоваться лишь догадками. Так, до сих пор не ясно, от кого могла бы исходить инициатива приглашения Бицилли в Чехословакию в начале 1920-х гг. [6, с. 72].

Думается, что свою роль мог сыграть академик Никодим Павлович Кондаков, выдающийся знаток византийского искусства. С осени 1917 г. он проживал в Ялте, и оттуда 9 сентября 1918 г. перебрался в Одессу [12, с. 346]. Там он и познакомился с Бицилли [3, с. 58]. Н.П. Кондаков, славившийся не только своими учеными заслугами, но и весьма непростым характером, к Петру Михайловичу проникся большой симпатией. В марте 1919 г. академик опубликовал благоприятную рецензию на его «Элементы средневековой культуры» [31, с. 5]. По-видимому, между ними установились если не близкие, то точно уважительные отношения.

Уже на чужбине, в начале 1920 г. оказавшийся в маленьком балканском городе Вранье П.М. Бицилли пытался через бывшего ректора Новороссийского университета профессора Дмитрия Павловича Кишенского наладить связь с Н.П. Кондаковым [6, с. 83]. В лице всемирно известного византиноведа Петр Михайлович надеялся найти протекцию в поиске работы. С просьбой о такой поддержке он обратился к академику в письме от 28 марта 1920 г. [13, с. 44–45].

О конкретных попытках Кондакова помочь коллеге ничего неизвестно. В личном фонде академика в Литературном архиве Музея национальной словесности в Праге писем от П.М. Бицилли не обнаружено. Однако означенное мартовское письмо сохранилось в личном фонде влиятельного болгарского интеллектуала, профессора-историка Василя Златарского¹. Не исключено, что именно к нему Кондаков переадресовал просьбу Петра Михайловича.

В дневниковых записях академика, относящихся уже к пражскому периоду его биографии, встречаем интересный пассаж о заседании Русской учебной коллегии в Чехословакии 16 июня 1923 г.:

¹ Научен архив на Българската академия на науките. Ф. 9к. Оп. 1. А. е. 2741.

«Забаллотировали Бицилли + 12 и выбрали Кондакова 24. Отвращение!» [29, с. 267]. Данное краткое свидетельство позволяет допустить, что П.М. Бицилли не был рекомендован к избранию на профессорскую вакансию, а, следовательно, не получил приглашения на переезд в Прагу. Подобная ситуация кажется вполне обыденной, ибо академические конфликты, конкуренция и зависть были привычными элементами эмигрантской научной жизни.

Таким образом, видимо, правы Т.Н. Галчева и И.В. Голубович, утверждающие, что Бицилли так и не смог получить надежного приглашения на работу в Праге. Разумеется, изучение этого вопроса еще требует углубленного погружения в архивные источники.

Невзирая на перипетии с поиском работы в Чехословакии, Бицилли посетил Прагу осенью 1924 г. Поездка была связана с его участием в Третьем съезде Союза Русских академических организаций за границей, который проходил в чехословацкой столице с 25 сентября по 2 октября 1924 г. Съезд был посвящен памяти двух скончавшихся накануне ученых — профессора П.И. Новгородцева и академика Н.И. Андрусова. Среди делегатов были ведущие представители российской научной эмиграции: историки Н.П. Кондаков, П.М. Бицилли, Г.В. Вернадский, А.А. Кизеветтер, А.В. Флоровский, Е.Ф. Шмурло, правоведы Н.Н. Алексеев, Е.В. Спекторский, Н.С. Тимашев, философы И.И. Лапшин, Н.О. Лосский, Б.В. Яковенко, биологи В.В. Лепешкин, С.И. Метальников, М.М. Новиков, математики и механики Е.Л. Буницкий, Н.Е. Подтягин, А.П. Фан-дер-Флит, инженеры А.С. Ломшаков, Г.Н. Пио-Ульский и др.

Участниками съезда было сделано более 150 научных сообщений [9, с. 94–95]. А.А. Кизеветтер в берлинской газете «Руль», в частности, описывал, сколь большой интерес аудитории вызвали выступления Бицилли об истории раннего христианства, новых направлениях в изучении Ренессанса и критике учения стремительно вошедшего в интеллектуальную моду Освальда Шпенглера [28]. Петр Михайлович отрицал толкование культуры и цивилизации немецким ученым как сменяющих друг друга стадий и доказывал тождественность этих понятий.

Организаторы съезда намеревались опубликовать его материалы. Предполагаемое издание должно было составить 50 печатных листов, причем 40 из них предполагалось отвести текстам докладов (максимальным объемом 10.000 знаков каждый), а 10 — прениям по ним [33]. Идея так и осталась неосуществленной, и можно лишь

сожалеть, что нет возможности ознакомиться с текстом выступления Петра Михайловича.

Уже вскоре упоминание имени профессора Бицилли встречаем в связи с деятельностью в Праге Русского исторического общества, торжественное открытие которого состоялось 7 апреля 1925 г. в большой Минералогической аудитории Карлова университета². Председательствовал на этом собрании член-корреспондент Императорской Санкт-Петербургской Академии наук Е.Ф. Шмурло, ставший во главе объединения русских историков, а обязанности секретаря исполнял С.Г. Пушкарев. Среди присутствующих были как именитые ученые, так и те, кто только начинал карьеру: Н.Н. Аленников, Г.В. Вернадский, Б.А. Евреинов, К.О. Зайцев, А.А. Кизеветтер, Е.Ф. Максимович, Н.Л. Окунев, И.О. Панас, П.Н. Савицкий, В.В. Саханев, Е.В. Спекторский, А.В. Флоровский, М.В. Шахматов.

Тогда же были избраны первые члены Общества. Среди них был и П.М. Бицилли, которого рекомендовали А.А. Кизеветтер и А.В. Флоровский. Кандидатура была единогласно одобрена 15-ю голосами³. Общество объединяло главным образом исследователей в пределах Чехословакии, тем не менее в его ряды входили некоторые русские ученые из Франции, Германии, Югославии, Болгарии и США, в том числе П.Н. Милюков, А.М. Петрункевич, Ф.В. Тарановский и др.

Двусмысленность ситуации с избранием, при котором Бицилли не присутствовал, заключалась в том, что ему, кажется, забыли в полной мере изложить членские обязанности, в том числе в отношении уплаты взносов. 19 октября 1927 г. в Софию из Праги были отправлено письмо, в котором от Петра Михайловича потребовали погасить образовавшиеся долги по единоразовому вступительному взносу и ежемесячным членским платежам. Ученый был обескуражен сообщением, однако от выплат не отказался. Правда, подчеркнул, что считает себя обязанным производить платежи лишь с того момента, когда получил уведомление о них. Из недатированного письма ученого в Правление Русского исторического общества узнаем:

Что касается размера ежемесячных взносов, то в соответствии с получаемым мною окладом-жалованьем, он должен равняться 3 кронам 50 геллерам. Надеюсь, что в ближайшем же будущем я буду в состоянии выслать Вам как мой вступительный взнос, так и взнос за три

² Протокол № 1 общего собрания Русского исторического общества в Праге, состоявшегося 7 апреля 1925 г. (ГАРФ. Ф. 5891. Оп. 1. Д. 252. Л. 5).

³ Там же. Л. 7 об.

последних месяца текущего года, — всего, следовательно, на сумму 20 кр<он> 50 гелл<еров> (считая членский взнос в 10 крон)⁴.

Хотя в тоне Петра Михайловича чувствуется недоумение от возникшей ситуации, интерес к пражскому сообществу историков у него не угасает, и он обещает прислать коллегам вышедшее по-болгарски «Введение в новую и новейшую историю» [38].

Из текста письма можно сделать вывод, что вместе с требованием погасить долги из Праги сообщили о подготовке к публикации «Записок Русского исторического общества», и Петр Михайлович не преминул поинтересоваться программой предполагаемого издания и тем, предвидится ли в нем помещение статей по всеобщей истории. В таком случае он выражал сердечное желание принять участие как автор⁵. К несчастью для ученого, вопросы всеобщей истории оказались на обочине интересов Русского исторического общества в Праге. Подобная ситуация объяснялась в первую очередь тем, что в Чехословакии сосредоточились главным образом специалисты по отечественной истории, а также тем, что для эмигрантской интеллектуальной культуры было свойственно повышенное внимание именно к русским темам и сюжетам.

Сотрудничество П.М. Бицилли с пражским сообществом историков оказалось эпизодическим. Известно лишь одно его выступление под заглавием «О происхождении русского литературного языка в связи с историей русского общества», состоявшееся в чехословацкой столице 18 июня 1930 г.

Инициатором приглашения Бицилли с докладом был А.В. Флоровский — давний друг и коллега Петра Михайловича еще с одесских времен⁶. Предложение выступить на заседании Русского исторического общества было воспринято Бицилли с большим воодушевлением. Он сообщил в Прагу, что у него имеется материал для доклада, который он хотел бы посвятить происхождению русского литературного языка в связи с культурной эволюцией русского общества. Такой ракурс хорошо отражал эволюцию творческих стратегий Петра Михайловича в годы эмиграции: от всеобщей истории к русской, а также интерес к тому, что сегодня мы бы назвали

⁴ Literárni archiv Památníku národného písennictví. F. Fjodoroviana Pragensia; Konstantin Aleksandrovič Čcheidze. Č. inv. 525. Č. přír. 65/71.

⁵ Там же.

⁶ См.: письма П.М. Бицилли к А.В. Флоровскому, 1922–1933, б. д. (АРАН. Ф. 1609. Оп. 2. Д. 140).

междисциплинарными исследованиями. В этом ключе он писал А.В. Флоровскому:

Тема наполовину филологическая, наполовину историко-социологическая. Я над ней сижу уже довольно давно, п<отому> ч<то> для нее все же кое-что нашел и здесь⁷.

Правда, тут же подчеркнул, что интерес к предложенному сюжету во многом вынужденный. Он сокрушался, что не имеет доступа к нужным историческим источникам и литературе, которые давали бы ему возможность заниматься привычными сюжетами, а потому приходится довольствоваться тем, что имеется.

16 февраля 1930 г. Бицилли переслал доклад А.В. Флоровскому и в сопроводительном письме выразил заинтересованность в том, чтобы о нем высказали мнение не только историки, но и филологи. Потому он спрашивал, присутствуют ли на заседаниях Русского исторического общества С.В. Завадский, Е.А. Ляцкий и А.Л. Бем. Вместе с текстом доклада он приложил статью для чехословацкого журнала «Slavia», прося А.В. Флоровского узнать о возможности ее публикации⁸. П.М. Бицилли снова жаловался на сложные условия работы в Софии:

Набралось у меня немало работ и по истории, и по русск<ой> литер<атуре>, но за что ни возьмусь, приходится бросать на полдороге или откладывать в ожидании лучшего будущего: при состоянии здешних библиотек ничего нельзя довести до конца. Либо не хватает необходимейших материалов, либо за отсутствием новейших журналов (а очень многие здесь не получают — нет возможности довести библиографию up to day <вплоть до сего дня (англ.)>⁹).

Поездка в Прагу на заседание Русского исторического общества была использована и для другого выступления. 20 июня 1930 г. в Союзе русских писателей и журналистов на литературном вечере, посвященном А.П. Чехову, Бицилли сделал доклад о творчестве

⁷ См.: П.М. Бицилли — А.В. Флоровскому, б. д. <по содержанию — не ранее 16 февраля 1930 г.> (Там же. Д. 140. Л. 19).

⁸ Названия статьи в письме не было указано, но можно предположить, что речь идет об этой работе: [21].

⁹ П.М. Бицилли — А.В. Флоровскому, 16 февраля 1930 г. (АРАН. Ф. 1609. Оп. 2. Д. 140. Л. 21).

великого писателя [14, с. 33]. К сожалению, подробности этого выступления пока выяснить не удалось.

Последний приезд Бицилли в Прагу, относящийся к весне 1931 г., также будет связан с его литературоведческими исследованиями. 12 марта он выступит в Русском народном университете с докладом «Почему Достоевский не написал “Жития великого грешника”?» [14, с. 53].

В русской Праге Бицилли был востребован не только как яркий исследователь, но и как внимательный и ответственный эксперт. Эта сторона его деятельности была связана с многотрудным процессом воспроизводства русских научных кадров за рубежом. Эмиграция, поначалу верившая в неизбежное падение большевизма, перенесла на иностранную почву привычные дореволюционные академические правила, традиции и ритуалы. Подготовка диссертаций и аттестация научных кадров по прежним образцам вызывала немало нареканий среди современников, поскольку затрудняла путь в науку молодым ученым, обремененным крайне тяжелыми условиями жизни на чужбине, неустроенностью, порой даже отсутствием постоянной работы. Прага, считавшаяся своего рода научной столицей Зарубежной России, стала местом организации ряда диссертационных защит.

В 1928 г. на рассмотрение в Русскую академическую группу в Чехословакию была представлена магистерская диссертация «Сеньориальный режим во Франции в исходе старого порядка», подготовленная жившим в Харбине историком Николаем Ивановичем Никифоровым. Он начал изучать эту тему еще в 1914 г. под влиянием работ Н.И. Кареева, М.М. Ковалевского и И.В. Лучицкого. Законченная рукопись диссертации погибла в 1919 г., и уже за границей Н.И. Никифорову пришлось практически заново проделать всю работу (см.: [30]).

Поездка в чехословацкую столицу из Китая была нелегким делом (к тому же очень дорогим!). Некоторые пражские историки понимали это. Потому в письме к А.В. Флоровскому академик В.А. Францев настаивал на скорейшей постановке на защиту диссертации Н.И. Никифорова и упрощении организационной процедуры. Об этом же просил Бицилли, которого назначили одним из оппонентов по диссертации¹⁰.

¹⁰ См.: В.А. Францев — А.В. Флоровскому, 1928 г. (Там же. Д. 465. Л. 21); П.М. Бицилли — А.В. Флоровскому, 19 апреля 1928 г. (Там же. Д. 140. Л. 18–18 об).

Обычно на рассмотрение диссертации отводилось три месяца. В случае с Никифоровым и его «харбинской пропиской» срок был сокращен. Сделать это оказалось нелегко, ибо значительная часть профессуры старшего поколения с недоверием смотрела на любые попытки изменить порядок защиты и ревностно отстаивала привычные ей процессуальные нормы. Бицилли жаловался на это А.В. Флоровскому:

Я знаю, что в Вашей Коллегии есть идолопоклонники и пустосвяты Устава 1884 года, для которых малейшее отступление от буквы этой священной книги кажется величайшим прегрешением против Устава — но, может быть, они на сей раз смягчатся и примут в соображение, что 1–2 недостающих до установленного срока дня не такая уж большая беда, и согласятся на отступление. Беру ответственность за этот грех на себя и обещаю вымолить им прощение у теней <А.И. > Георгиевского и всех министров народного просвещения, какие только когда-либо существовали на свете¹¹.

Найти подходящего оппонента в узких эмигрантских кругах было непростой задачей. Сохранившиеся материалы переписки между А.В. Флоровским и П.М. Бицилли наглядно обрисовывают эту проблему. Поскольку диссертация Н.И. Никифорова была посвящена истории Франции второй половины XVIII в., то его оппонентом должен был стать специалист по всеобщей истории. Таковых среди русских ученых в Праге было немного¹². Вообще положение специалистов по всеобщей истории в эмигрантской среде было специфичным. Это хорошо подметила на примере того же Бицилли болгарская исследовательница Г. :

Вектор русской эмигрантской культуры первой волны направлен на повышенную рефлексию по поводу природы национального и судьб собственной рускости [10, с. 16].

Правление Русской академической группы в Чехословакии решило обратиться к Бицилли. Хотя тот изучал итальянское Возрож-

¹¹ П.М. Бицилли — А.В. Флоровскому, 19 апреля 1928 г. (Там же. Л. 18).

¹² В эмиграции оказалось два специалиста по истории Французской революции XVIII в. — А.М. Ону и И.О. Левин. Однако пока не удалось выяснить, почему Н.И. Никифоров не обратился ни к кому из них с просьбой об оппонировании его диссертации.

дение, в данном случае была важна его профессиональная принадлежность к всеобщей, а не к русской истории. Петр Михайлович согласился на предложение и с интересом прочел работу Никифорова, которую автор высылал ему частями по мере печатания. Все же Петр Михайлович был вынужден признать, что дать диссертации квалифицированную оценку вряд ли сможет:

Насколько могу судить по полученному (ок<оло> 1/3 всей книги), это статико-описательная работа по архивным данным. Строго говоря, единственный авторитетный разбор мог бы быть сделан только тем, что проверил бы, насколько исчерпывающе эти данные им использованы, что, очевидно, немыслимо ни для кого из нас, не проживающих в Париже. Мой разбор, естественно, сведется к придиркам «наукословного» характера — и с этим я, вероятно, справлюсь скоро¹³.

Второй оппонент диссертации — А.А. Кизеветтер — был специалистом по русской истории XVIII–XIX вв., но живо интересовался Великой Французской революцией и еще в России в 1922 г. написал о ней книгу, которая, однако, так и не была издана¹⁴.

Не меньше трудностей вызывала организация приезда оппонента на диспут. Скучное материальное положение русских ученых ограничивало их в передвижении не только из страны в страну, но даже из одного города в другой. История с приглашением П.М. Бицилли снова является показательной. С ним велись долгие переговоры о приезде из Софии в Прагу, причем историк настоятельно просил оплатить ему дорогу. Петр Михайлович рассказывал об этом в письме к А.В. Флоровскому:

Я уведомил его <Н.И. Никифорова>, что могу приехать в Прагу за счет <...> Харбинского университета, как он мне предложил. Но я оговорился, что для меня приезд осуществим лишь при том условии, если Харбинск<ий> университет согласится отпустить мне сразу же аванс на поездку, не потому, чтобы я сомневался в кредитоспособности этого учреждения, но потому, что я сам не располагаю никакой¹⁵.

¹³ П.М. Бицилли — А.В. Флоровскому, 9 июня 1928 г. (АРАН. Ф. 1609. Оп. 2. Д. 140. Л. 17).

¹⁴ Рукопись этой книги объемом в 198 архивных листов хранится в фонде Кудрявцевых и А.А. Кизеветтера в НИОР РГБ (Ф. 566. Карт. 6. Д. 7).

¹⁵ П.М. Бицилли — А.В. Флоровскому, 9 июня 1928 г. (АРАН. Ф. 1609. Оп. 2. Д. 140. Л. 17).

На диссертационный диспут Н.И. Никифорова, состоявшийся в июле 1928 г., Петр Михайлович в итоге приехал.

Второй раз П.М. Бицилли был приглашен в Прагу в 1930 г. на защиту магистерской диссертации византистки Марии Александровны Андреевой на тему «Очерки по культуре византийского двора в XIII веке»¹⁶. Снова у ученого возник вопрос: почему он? А.В. Флоровскому Петр Михайлович прямо написал: «Какой же я византолог?!» — но тут же оговаривался, что любой повод для приезда в Прагу для него «страшно соблазнителен»¹⁷. Свою роль на предстоящем диспуте Бицилли приравнивал к роли свадебного генерала, поскольку очень уж была далека тема диссертации М.А. Андреевой от его собственных научных интересов¹⁸. Вновь, как и в случае с защитой Н.И. Никифорова, он поставил условием своего участия оплату транспортных расходов, проживания и визы, поскольку свое материальное положение он определял как самое плачевное.

Хотя П.М. Бицилли не был византиноведом, его участие в защите диссертации М.А. Андреевой нельзя считать случайным. Полагаю, что на это событие следует смотреть в свете контактов ученого с Семинарием (впоследствии — Археологическим институтом) имени Н.П. Кондакова. В обширном архивном фонде этого знаменитого научного объединения сохранилась папка с письмами от Бицилли, которая прежде была совершенно обделена вниманием исследователей¹⁹. Документальные материалы охватывают период с 1928 по 1941 гг. Среди тех, кому адресовал свои послания Петр Михайлович — А.П. Калитинский, Н.П. Толль, Д.А. Расовский, Г.В. Вернадский. Также имеется несколько копий писем профессору от имени руководства Семинария/Института.

Напомним, что П.М. Бицилли и Н.П. Кондаков были близко знакомы еще с одесских времен, и что для Петра Михайловича академик был одним из символов русской исторической науки [19]²⁰.

¹⁶ См.: Тезисы магистерской диссертации М.А. Андреевой «Очерки по культуре византийского двора в XIII веке» (Slovanská knihovna v Praze. Trezor. M.A. Andrejevova. T-AND-3).

¹⁷ П.М. Бицилли — А.В. Флоровскому, б. д. <по содержанию — не ранее 16 февраля 1930 г.> (АРАН. Ф. 1609. Оп. 2. Д. 140. Л. 19 об.).

¹⁸ П.М. Бицилли — А.В. Флоровскому, 20 февраля 1930 г. (Там же. Л. 22–22 об.).

¹⁹ См. переписку П.М. Бицилли с Семинарием (Археологическим институтом) имени Н.П. Кондакова (ODÚDU. AINPK. KI-12. P.M. Bicilli).

²⁰ В равной степени с огромным пиететом он относился к продолжателям дела Н.П. Кондакова (см.: [37]).

Еще в середине 1920 х гг. П.М. Бицилли написал Г.В. Вернадскому в Прагу, интересуясь изданным там сборником в память выдающегося ученого. Он высказал мысль, что Историческому семинару при Софийском университете было бы очень желательно иметь это издание, ведь академик был близок и Болгарии, и университету. Но, писал П.М. Бицилли,

к несчастью, о приобретении его нечего и думать ни в этом году, ни вообще в обозримом будущем — до такой степени обеднел Университет²¹.

Потому он предлагал вариант обмена изданиями. Впоследствии на протяжении многих лет Бицилли будет участником подобных пражско-софийских книгообменов.

Петр Михайлович Бицилли был в числе получателей первого выпуска трудов пражского ученого объединения — «*Seminarium Kondakovianum*». Присылка издания означала своего рода приглашение к сотрудничеству. Уже во втором томе сборника будет напечатана рецензия П.М. Бицилли на труд французского историка Проспера Альфарика [26].

Как известно, пражское издание изначально планировалось как международное. Причем участие в нем принимали как ученые-эмигранты, так и их коллеги, оставшиеся в СССР. Первый сборник кондаковского Семинария выполнял функцию интеллектуального моста между эмигрантской и советской наукой, что не ускользнуло из внимания П.М. Бицилли. Он написал в Прагу профессору А.П. Калитинскому:

И как прекрасно, то, что Ваш *Seminarium* стал средой, в к<отор>ой объединяются как «поту-» так и «посюсторонние» русские ученые. Хотелось бы надеяться, что у Вас будет возможность продолжать это так блестяще начатое дело²².

Вот только продолжение оказалось недолгим.

В сентябре 1928 г. в Праге увидел свет второй том трудов Семинария имени Н.П. Кондакова. Среди авторов был Сергей Александрович Жебелёв, опубликовавший статью в память историка искусства

²¹ П.М. Бицилли — Г.В. Вернадскому, 24 апреля <не ранее 1926 г.> (ODÚDU. AINPK. KI-12. P.M. Bicilli).

²² П.М. Бицилли — А.П. Калитинскому, 9 ноября 1928 г. (Там же).

Якова Ивановича Смирнова, умершего от голода в 1918 г. в Петрограде. В этой статье революция была уподоблена страшному лихолетью. В середине ноября 1928 г. начинается публичная травля ученого, которая стала прологом к «Академическому делу» (см.: [11]). Канадский историк Л. Райнлендер еще в 1970 х гг. верно заметил, что нападки на С.А. Жебелёва за его публикацию в Праге объяснялись главным образом стремлением советских властей покончить со своеволием и свободомыслием Академии наук [15, р. 338–339]. Травля историка была одним из звеньев этой кампании. Среди главных пунктов обвинения в адрес ученого стало его сотрудничество с коллегами-эмигрантами. Таким образом, власти четко давали понять, что рассматривают такие контакты как нежелательные. В эмиграции с тревогой следили за новым этапом наступления советских властей на науку. Информации было мало, она доходила лишь обрывками, что усиливало тревогу за судьбы коллег.

«Дело Жебелёва» стало прелюдией для прочих погромных кампаний. Происходившие события вызывали чувство глубокого беспокойства и у Бицилли. Эти чувства он делился в письме к А.В. Флоровскому:

Неизвестно ли у вас что-либо о судьбе <С.Ф.> Платонова? За что он арестован? Ведь он до сих пор ладил с тамошним начальством. Что за ужас... И когда этому будем конец?²³

Для кондаковцев П.М. Бицилли был важным связующим звеном в контактах с русской Софией, а также с болгарскими учеными. Он помогал в подготовке к печати рукописи молодого и талантливое византиниста Николая Михайловича Беляева. Тот в сентябре 1930 г. в составе делегации приезжал на V съезд Союза русских академических организаций за границей в Софии, где прочел доклад о древнерусской иконописи. Жизнь молодого и талантливого ученого трагически оборвалась 23 декабря 1930 г., когда он был сбит машиной на улице Праги. Тогда Бицилли вызвался помочь довести до печати рукопись доклада Н.М. Беляева, которую ему переслали из Чехословакии (см.: [18])²⁴.

П.М. Бицилли помогал кондаковцам наводить справки — например, о русском эмигранте Сергее Ивановиче Покровском, который

²³ П.М. Бицилли — А.В. Флоровскому, 16 февраля 1930 г. (АРАН. Ф. 1609. Оп. 2. Д. 140. Л. 21).

²⁴ См. письма П.М. Бицилли к Н.П. Толлю от 4 апреля, 18 мая, 4 июня 1931 г. (ODÚDU. AINPK. KI-12. P.M. Bicilli).

работал в Археологическом музее в Софии²⁵. В переписке Бицилли делился мнениями о состоянии исторической науки на Балканах, сравнивал условия работы в разных странах. Так, в одном из писем к Николаю Петровичу Толлю он заметил:

Надо отдать справедливость болгарам: они не препятствуют иностранцам работать у них по исследованию их древностей, напротив, всячески содействуют, выгодно отличаясь в этом отношении от братьев-сербов²⁶.

Хотя болгарские ученые имели прямые контакты с кондаковцами, Бицилли нередко выступал как посредник в общении с болгарскими интеллектуальными кругами. В марте 1934 г. Археологический институт просил его оказать помощь в обмене сборников «*Seminarium Kondakovianum*» на «Годишник» Софийского университета. Причем Институт хотел бы получить и старые выпуски — преимущественно те, которые затрагивали темы византиноведения, древнеболгарской истории, истории древних тюрков, кочевниковедение и др.²⁷ В университетской библиотеке Петру Михайловичу сообщили, что уже получают «*Seminarium Kondakovianum*» как дар чехословацкого правительства. Однако его просили осведомиться у русских пражан, нет ли иных институтских изданий или же дубликатов русских научных изданий, которые можно было бы обменять²⁸.

Как человек, знавший Н.П. Кондакова, профессор Бицилли обсуждал с пражскими коллегами перспективы издания последних лекционных курсов академика, читанных им в Карловом университете. Н.П. Толлю он писал 4 июля 1931 г.:

Говоря откровенно, мне кажется, что следовало бы напечатать записки лекций Кондакова, предварительно проредактировавши их, и выбросив места, слишком очевидно свидетельствующие о старческой рассеянности (если только они не относятся на счет записывавшего)²⁹.

²⁵ П.М. Бицилли — Н.П. Толлю, 4 июня 1931 г. (Там же).

²⁶ П.М. Бицилли — Н.П. Толлю, 13 июля 1931 г. (Там же).

²⁷ Секретарь Археологического института имени Н.П. Кондакова — П.М. Бицилли, 22 марта 1934 г. (Там же).

²⁸ См. письмо П.М. Бицилли к секретарю Археологического института имени Н.П. Кондакова от 4 апреля 1934 г. (Там же).

²⁹ П.М. Бицилли — Н.П. Толлю, 4 июля 1931 г. (Там же).

Эти лекции были записаны слушателями Н.П. Кондакова, потому в них вкрались некоторые ошибки. Несмотря на это обстоятельство, Петр Михайлович, ознакомившись с текстом, настаивал на его публикации. Лекции именитого ученого он называл «богатейшими по содержанию, необыкновенно привлекательными по простору, четкости, обилию мысли, строгой фактичности»³⁰. По его мнению, они нисколько не уступали его прежним работам.

5 ноября 1931 г. П.М. Бицилли сообщили о преобразовании Семинария в Археологический институт и об избрании его ученым членом. В Софию был отправлен Устав, а вместе с ним указание, что Бицилли в своем текущем статусе вправе сам установить размер ежегодного членского взноса, и что он имеет возможность получения книг одной из институтских серий при условии уплаты 100 чешских крон в год³¹. Петр Михайлович считал за честь это избрание, но его смутило предложение самостоятельно устанавливать размер членского взноса. Со свойственной ему деликатностью он сообщил в Прагу:

Должен признаться, что платить я мог очень мало по той причине, что и у нас, как и у Вас, дела все ухудшаются; жизнь, подешевевшая было, стала дорожать, а жалованье не увеличивается, а уменьшается. Нужда среди русских, вызванная безработицей, страшная, и имеющим заработок приходится уделять часть его на помощь неимущим³².

В том же письме он осведомился о А.П. Калитинском, о котором давно ничего не слышал. Бицилли не было известно, что еще в сентябре 1930 г. у Калитинского обнаружились серьезные проблемы с психическим здоровьем. Он неожиданно исчез 20 сентября 1930 г. В эмигрантских кругах возникла даже версия его похищения советскими спецслужбами, что казалось вполне реальным после исчезновения в Париже генерала А.П. Кутепова [17, с. 299]. В действительности археолог был арестован чешской полицией, когда он «попытался на глазах общественности вступить в контакт, сопровождающийся “аморальными” предложениями и действиями, с 14-летним юношей, учащимся одного из пражских училищ» [36, с. 165]. Это происшествие привело коллег А.П. Калитинского в заме-

³⁰ П.М. Бицилли — Н.П. Толлю, 13 июля 1931 г. (Там же).

³¹ См. письмо Правления Археологического института имени Н.П. Кондакова к П.М. Бицилли от 5 ноября 1931 г. (Там же).

³² П.М. Бицилли — Н.П. Толлю, 17 ноября <1931 г.> (Там же).

шательство. Знаменитый русский психиатр Н.Е. Осипов установил, что причиной такого поступка ученого стало тяжелейшее психическое расстройство: он возомнил, что одержим бесами.

Как отмечалось выше, П.М. Бицилли, несмотря на свою широчайшую эрудицию, от проблем византийской истории был далек. В одном из писем к Георгию Александровичу Острогорскому он признается:

Византия для меня Buch mit den sieben Siegeln <книга за семью печатями (нем.)>, и если бы я попробовал приступить к чему-нибудь <удь> из этой области, боюсь, что я бы оскандалился перед Вами — в лучшем случае, открыл бы Америку после Колумба³³.

По этой причине его научное сотрудничество с кондаковским Семинаром/Институтом оказалось очень ограниченным. Помимо уже названной рецензии на труд французского историка П. Альфарика, Бицилли подготовил отзыв на исследование русского эмигранта Семена Ильича Штейна о толковании термина «Romanus» в варварских правдах [27]. Данная работа не была рецензией в привычном смысле слова, поскольку появилась через 10 лет после публикации анализируемого труда, да и само рассматриваемое исследование представляло собой не книгу, а статью в журнале [39]. Жанр работы Бицилли скорее можно определить как историографическое эссе. Причем его тематический уклон не только был данью прежним профессиональным занятиям западноевропейской медиевистикой, но и объяснялся текущим интересом ученого к сравнительному осмыслению этнической и социальной терминологии западноевропейских и славянских средневековых литературных памятников.

Подобный интерес помог найти новую точку научного соприкосновения с Кондаковским институтом. В 1930 х гг. П.М. Бицилли увлекся проблематикой «Слова о полку Игореве», в том числе толкованием наличествующих в нем собственных имен. Историческая канва этого литературного памятника волновала кондаковцев, которые интересовались взаимоотношениями Древней Руси с евразийскими кочевниками. Молодой исследователь Дмитрий Александрович Расовский воодушевленно занялся историей половцев и довольно быстро добился известности и авторитета в изучении темы. В январе 1935 г. П.М. Бицилли в письме задал ему вопрос о толковании термина «хинова» в «Слове о полку Игореве». Накану-

³³ П.М. Бицилли — Г.А. Острогорскому, 21 января 1940 г. (Там же).

не от Н.П. Толля он узнал, что Расовский допускал его связь с названием одного из половецких городов. Петр Михайлович попросил уточнить информацию, а заодно поинтересовался мнением коллеги относительно того, как сильно отразилось влияние половецкой культуры в «Слове»³⁴. Д.А. Расовский незамедлительно направил ответ в Софию, и уже 3 февраля 1935 г. получил благодарность от П.М. Бицилли. Точка зрения Д.А. Расовского сводилась к тому, что «Хинова» в «Слове» связана с половецким городом Кинов, упомянутым арабским географом XII в. Идриси и располагавшимся на северном побережье Азовского моря. Исследователь допускал, что жители города могли принадлежать к иной, нежели половцы, народности [34, с. 305–306].

Гипотеза Д.А. Расовского не нашла поддержки в ученом сообществе. Отношение к ней П.М. Бицилли установить пока не удалось, хотя наверняка этот загадочный термин волновал и его. Тем более что ученый живо интересовался толкованием имен и названий в «Слове». Вот что он писал тому же Д.А. Расовскому:

Особенно важным для меня было толкование значения имени Боян. Как раз недавно <П.> Мутафчиев обратил мое внимание на то, что Боян было вторым именем одного из сыновей болгарского царя Симеона, и что этому Бояну приписывался дар превращения. На это есть одно только указание у Лиутпранда Кремонского — неск<олько> строк, из к<ото>ых, по видимому (через истолкование) явствует, что этот Боян умел скрываться волком и другим зверем. Легенда эта — явное истолкование имени. Этим объясняется знаменитая метафора в Сл<ове> о п<олку> Игор<еве>. Можно, значит, предполагать, что «Боян» Слова — условное наименование поэта-профессионала. Список восточных слов в Сл<ове> о п<олку> Иг<оре>ве, думается, можно было бы еще пополнить — нап<ример>, некот<орые> мифологические имена. Не знаю, нельзя ли объяснить восточн<ыми> влияниями одну особенность «Слова»: это его необычайная цветность, колоритность, что-то напоминающее персидские ковры, чего нет в Библии, из которой автор Слова, как и вообще русские писатели старого времени, черпал (это показано и <В.Н.> Перетц) большинство фона поэтич<еских> образов. Библейская фантазия питается впечатлением грандиозности предметного мира — горы, моря и т. д., но не его красочностью³⁵.

³⁴ П.М. Бицилли — Д.А. Расовскому, 15 января 1935 г. (Там же).

³⁵ П.М. Бицилли — Д.А. Расовскому, 3 января 1935 г. (Там же).

Переписка Бицилли с кондаковцами интересна не только обсуждением научных проблем, но и тем, как в ней отражались суровые реалии Европы конца 1930 х гг., стремительно погружавшейся в пучину неизбежной войны. В праздничном поздравлении Г.А. Острогорскому на грядущий 1940 г., отправленном в Белград, Бицилли заметил: «Живется нам благополучно, но очень тоскливо»³⁶.

Письмо было послано в югославскую столицу неслучайно. Еще 1937 г. о желании поддержать Кондаковский институт заявил югославский принц Павел, подразумевая тем самым его перевод из Праги на Балканы. Соответствующее предложение раскололо кондаковцев. В середине 1937 г. несколько сотрудников во главе с Д.А. Расовским решились на переезд и уже стали паковать вещи. Белградская русская колония всячески подталкивала их. Главными инициаторами с ее стороны были В.А. Мошин и Г.А. Острогорский, которые сумели заручиться поддержкой Президента Сербской академии наук и искусств Александра Белича³⁷. Резко против такого решения выступили остававшиеся в Праге Н.Е. Андреев, Н.Г. Яшвилль, П.Н. Савицкий, Й. Мисливец, В.В. Чернавин. Позиция Петра Михайловича по поводу раскола неизвестна. Хотя сохранившиеся в архиве письма адресовались им уже не в Прагу, а в Белград, что в некоторой степени свидетельствует о признании им югославского административного первенства.

17 января 1940 г. П.М. Бицилли направили приглашение приехать в Белград, выступить с докладом в Институте и поприсутствовать на собрании ученых членов, пообещав компенсировать все расходы³⁸. Ученый был обрадован этим предложением и воодушевился грядущей поездкой, правда, попросил отодвинуть ее на весенние пасхальные каникулы, поскольку к февралю он не успевал сочинить доклад³⁹. В качестве возможной темы он предложил разбор научных споров о подлинности «Слова о полку Игореве». Такой сюжет не только вырастал из интереса П.М. Бицилли к знаменитому литера-

³⁶ П.М. Бицилли — Г.А. Острогорскому, 31 декабря 1939 г. <датировано по почтовому штемпелю> (Там же).

³⁷ Записка о взаимоотношениях Пражского и Белградского отделений Института имени Н.П. Кондакова / сост. Н.Е. Андреев и В.В. Чернавин. Январь 1945 г. (Slovanská knihovna v Praze. Trezor. A.V. Florovskij. T FLOR. Krab. XLV).

³⁸ Директор Археологического института имени Н.П. Кондакова — П.М. Бицилли, 17 января 1940 г. (ODÚDU. AINPK. KI-12. P.M. Bicilli).

³⁹ П.М. Бицилли — Г.А. Острогорскому, 21 января 1940 г. (Там же).

турному памятнику, но и генерировался публикацией серии статей (1938–1939) выдающегося французского слависта Андре Мазона, считавшего «Слово» подделкой XVIII в. [16]. Другой возможной темой доклада могло стать размышление об общности Запада и Востока с точки зрения развития изобразительного искусства от архаики к Ренессансу — эту тему П.М. Бицилли развивал ранее в своей статье для юбилейного сборника в честь болгарского историка Петра Никова [23]. В итоге белградцев в большей степени заинтересовала первая из предложенных ученым тем (очевидно, в силу своей научной остроты), поэтому выбор был сделан в ее пользу.

Весной 1940 г. П.М. Бицилли приехал в Белград. Как справедливо замечает в своей книге М.А. Бирман, сведений о 18-дневном пребывании Бицилли в югославской столице немного [3, с. 231]. Пока, в отсутствие документальных подтверждений, можно лишь предполагать — хотя и с высокой степенью уверенности, — что он встречался там с Г.А. Острогорским, Д.А. Расовским, И.Н. Окуновой. Эта поездка окажется последним заграничным путешествием ученого. Более он уже не сможет выехать из Болгарии. В югославской столице он намеревался посетить Русский научный институт. Накануне через профессора С.С. Демосфенова он узнал о предложении его главы, П.Б. Струве, сделаться членом ученой организации. Для П.М. Бицилли это было важно, поскольку Институт имел свою издательскую программу, и у него появилась бы новая возможность печататься.

К подготовке доклада Бицилли подошел со свойственной ему основательностью и добросовестностью. В феврале 1940 г. он сообщал Г.А. Острогорскому:

Чем больше я «вгрызаюсь» в статьи Мазон'а, тем более убеждаюсь, что это — серьезнейшее исследование, поднимающее целый ряд проблем и очень много освещающее по-новому. <...> У Мазон'а немало предвзятостей, но некоторые его соображения очень крепки, и требуют самого подробного «микроскопического» разбора⁴⁰.

К середине февраля он «кончил грызть мазоновский орешек», сделав для себя вывод, что его «сердцевина оказалась несколько гнилою, но скорлупа здорово-твердая»⁴¹.

⁴⁰ П.М. Бицилли — Г.А. Острогорскому, 4 февраля 1940 г. <датировано по почтовому штемпелю> (Там же).

⁴¹ П.М. Бицилли — Г.А. Острогорскому, 15 февраля 1940 г. (Там же).

П.М. Бицилли отринул версию Мазона о подделке «Слова о полку Игореве» в XVIII в., но признавал, что рассуждения французского ученого вносят немало нового в сравнительное изучение европейских литератур. На основе текста доклада Петр Михайлович подготовил статью, которая, была напечатана в специальном сборнике [24]. Это издание оказалось последним, которое смогли осуществить кондаковцы.

Поездка в Белград даровала Бицилли не только встречи с друзьями и коллегами. Она имела своего рода психотерапевтический эффект, позволила хоть ненадолго сменить обстановку и отрешиться от тяжелых мыслей о будущем:

Как бы то ни было, цепко хватаюсь за Ваше предложение, т<ак> к<ак> здесь я пребываю в почти полном духовном одиночестве, особенно сейчас, когда эпистолярная связь с внешним миром почти совсем прервалась. Настроение тем более скверное, что не видится никакого выхода из этой «лужи», в которой застряла Европа. Мне все кажется, что война, правда, затянется не так уж надолго; но после этого чувствуется какое-то повальное моральное разложение, которое захватит не только «*élite*» <элиту (фр.)>, но и массы, по видимому, уже изверившиеся во всяких «мифах». А к тому же, кажется, больше уже никакого нового «мифа» не придумаешь. Настанет пора дешевого скептицизма, «наплеватьства», пошлого, безрелигиозного «квинетизма», а вместе с тем ряда опытов «*action directe*» <прямого действия (фр.)> — так просто, от нечего делать⁴².

Эти грустные мысли подпитывались сведениями, получаемыми от коллег из разных концов Европы. Так, от В.В. Руднева он узнал, что тот попал в тяжелейшее материальное положение и, будучи уже пожилым человеком, был вынужден искать место простого рабочего. Тем не менее, невзирая на суровые испытания, Руднев продолжал участвовать на общественных началах в издании «Современных записок».

Переписка Петра Михайловича с кондаковцами проникнута ощущением страха и тревоги. Так, 21 июля 1940 г. Бицилли пишет Г.А. Острогорскому:

И вот сейчас оказывается, что всяческие, так сказать, утопии наизнанку, каковые есть у Свифта, Щедрина, Метерлинка, Сирина, кото-

⁴² П.М. Бицилли — Г.А. Острогорскому, 21 января 1940 г. (Там же).

рые мы считали игрой ума, осуществимы, что историческая действительность может превзойти любой «гротеск»⁴³.

В качестве примера он приводил недавно принятый в Румынии закон, запрещавший евреям переходить в христианство. Еще в одном, недатированном письме, скорее всего, относящимся к лету 1940 г., Бицилли делился переживаниями с Г.А. Острогорским: «Живется так же тоскливо; чувствуешь себя, словно обитатель чеховской “Палаты № 6”»⁴⁴. И там же сообщал, что по полученным недавно сведениям, П.Н. Милюков находится где то на юге Франции и голодает.

В феврале 1941 г. П.М. Бицилли послал Д.А. Расовскому письмо, которое, вероятно, оказалось последним в их общении⁴⁵. Во всяком случае, другие, более поздние письма, не обнаружены.

В июле 1941 г. Петр Михайлович получил письмо, в котором его информировали, что работа Археологического института имени Н.П. Кондакова сосредоточится теперь в Праге, и что началась подготовка 12 го тома научных трудов института. В этом же послании говорилось:

Мы очень беспокоимся за судьбу Г.А. Острогорского и Д.А. Расовского с их семьями. Если Вам известно что-либо о них, не откажите сообщить нам⁴⁶.

С момента получения предыдущего письма от кондаковцев прошло несколько месяцев. Но за это время была разгромлена и оккупирована Югославия (в апреле 1941 г.), а затем Германия напала на Советский Союз. Естественно, что в письме, отправленном из бывшей Чехословакии, которая была превращена волей Гитлера в германский Протекторат, не содержалось никаких политических оценок, иначе оно не прошло бы жернова цензуры. В Праге, видимо, надеялись, что имевший связь с Белградом Бицилли может что-то знать о судьбе коллег⁴⁷.

⁴³ П.М. Бицилли — Г.А. Острогорскому, 21 июля 1940 г. (Там же).

⁴⁴ П.М. Бицилли — Г.А. Острогорскому, <лето 1940 г., не ранее июля> (Там же).

⁴⁵ П.М. Бицилли — Д.А. Расовскому, 21 февраля 1941 г. <датовано по входящему номеру письма> (Там же).

⁴⁶ Археологический институт имени Н.П. Кондакова — П.М. Бицилли, 2 июля 1941 г. (Там же).

⁴⁷ Судьба некоторых из них оказалась трагичной. Так, Д.А. Расовский и его супруга И.Н. Окунева погибли в апреле 1941 г., когда в здание, где размещался белградский филиал Кондаковского института, попала немецкая бомба. Вместе с ними погибла и перевезенная из Праги часть институтской библиотеки.

Взаимоотношения П.М. Бицилли с русской Прагой интересны не только в контексте биографии ученого, но и в связи с потребностью понять особенности связей между различными эмигрантскими центрами, выявить механизмы интеллектуальных коммуникаций. История этих контактов включает в себе еще немало вопросов. Так, почти нет свидетельств о связях Петра Михайловича с Русским заграничным историческим архивом (см.: [35, с. 301]), хотя контакты с ним имелись у многих видных эмигрантов. Неизвестно также, были ли у него знакомые среди чешских и словацких ученых. Остается открытым вопрос о сотрудничестве П.М. Бицилли с пражским журналом «Русская школа за рубежом», на страницах которого он опубликовал две методологически важные статьи об особенностях преподавания истории в русских эмигрантских школах [22; 25], а также с пражским издательством «Пламя». Нет сомнений только в том, сколь большое место занимала чехословацкая столица в биографии ученого. Там жили близкие друзья и коллеги, там были напечатаны его важные научные труды, туда он стремился душой все годы жизни в изгнании.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Исследования

1. Бирман М.А. Две статьи П.М. Бицилли о евразийстве (фрагменты из исследования) // Curriculum vitae. Одесса, 2010. Вып. II. С. 27–33.
2. Бирман М.А. П.М. Бицилли и евразийцы в 1922–1927 гг. (очерки и фрагменты) // Вокруг редакционного архива «Современных записок» (Париж, 1920–1940): Сб. ст. и материалов / под ред. О. Коростелева и М. Шрубы. М.: Новое литературное обозрение, 2010. С. 241–253.
3. Бирман М.А. П.М. Бицилли (1879–1953). Жизнь и творчество. М.: Водолей, 2018. 444 с.
4. Васильева М.А. А.Л. Бем, П.М. Бицилли, Д.И. Чижевский: Метод «мелких наблюдений» // А.Л. Бем и гуманитарные проекты русского зарубежья / сост., науч. ред. М.А. Васильева. М.: Русский путь, 2008. С. 113–135.
5. Васильева М.А. П.М. Бицилли и Д.И. Чижевский: К истории одного «заочного» диалога // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Филология, Журналистика. 2008. № 1. С. 18–24.
6. Галчева Т.Н., Голубович И.В. «Понемногу приспосаблиюсь к “независящим обстоятельствам”»: П.М. Бицилли и семья Флоровских в первые годы эмиграции. София: Солнце, 2015. 320 с.

7. Григорова Д. Петр Бицилли и евразийство // Българите и Северното Причерноморие. Изследвания и материали. Одеса; Велико Търново: Аста, 2009. Т. 10. С. 303–308.
8. Каганович Б.С. К теме: П.М. Бицилли и евразийцы // Диаспора: Новые материалы / отв. ред. О.А. Коростелев. СПб.: Феникс, 2001. Вып. 2. С. 291–299.
9. Ковалев М.В. «На этих съездах мы растем и в своих, и в чужих глазах»: из истории научных коммуникаций русской эмиграции (1921–1930) // Россия XXI. 2013. № 5. С. 84–107.
10. Петкова Г. Металитературный проект П.М. Бицилли: между Салимбене и Пушкиным (опыт реконструкции) // Rossica 2007: Научные исследования по русистике, украинистике, белорусистике. Прага, 2007. С. 115–122.
11. Тункина И.В. «Дело» академика Жебелёва // Древний мир и мы: Классическое наследие в Европе и России: Альманах. СПб.: Дмитрий Буланин, 2000. Вып. II. С. 116–161.
12. Шаманаев А.В. «Наш дом очутился в зоне военных действий» (Н.П. Кондаков о жизни Ялты зимой 1917/18 года) // 1917 год в России: социалистическая идея, революционная мифология и практика. Екатеринбург: Изд-во УрФУ, 2016. С. 343–351.
13. Велева М. Българската съдба на проф. П.М. Бицилли. София: Гутенберг, 2004. 164 с.
14. Kronika kulturního, vědeckého a společenského života ruské emigrace v Československé republice. Praha, 2001. Díl II: 1930–1939. 640 s.
15. Rhineland L.H. Exiled Russian Scholars in Prague. The Kondakov Seminar and Institute // Canadian Slavonic Papers. 1974. Vol. XVI, № 3. P. 331–352.
16. Roudet R. Mazon et le Slovo d'Igor // Revue des Études Slaves. 2011. Vol. 82, № 1. P. 55–67.

Источники

17. Андреев Н.Е. То, что вспоминается: Из семейной хроники Николая Ефремовича Андреева (1908–1982). Таллин: Авенариус, 1996. Т. 1. 335 с.
18. Беляев Н.М. Древнерусская иконопись // Труды V съезда Русских академических организаций за границей в Софии 14–21 сентября 1930 года. София: [Б. и.], 1932. Ч. I. С. 229–242.
19. Бицилли П.М. Воспоминания Кондакова // Звено. Париж, 1927. № 3. С. 141–146.
20. Бицилли П.М. Из заметок о Пушкине // Slavia. Praha, 1931. Roč. 10. Seš. 3. S. 575–577.
21. Бицилли П.М. Из заметок о Пушкине // Slavia. 1932. Roč. 11. Seš. 4. S. 556–560.

22. *Бицилли П.М.* Историческая реальность и преподавание истории в средней школе // Русская школа за рубежом. Прага, 1929. № 34. С. 433–440.
23. *Бицилли П.М.* К вопросу о взаимоотношениях «Востока» и «Запада» в истории Европы // Сборник в память проф. Петър Ников. София: Печатница «Култура», 1940. С. 48–54.
24. *Бицилли П.М.* К вопросу о происхождении «Слова о полку Игореве» (По поводу исследования проф. А. Мазона) // Заметки к «Слову о полку Игореве». Белград: Ин-т им. Н.П. Кондакова, 1941. Вып. 2. С. 1–20.
25. *Бицилли П.М.* К вопросу о пропедевтическом курсе истории в средней школе // Русская школа за рубежом. 1927. № 26. С. 197–109.
26. *Бицилли П.М.* [Рец. на ст.:] Alfarc P. Christianisme et gnosticisme: (Revue historiques. Paris, 1924. Т. 145, № 1. Р. 42–54) // Seminarium Kondakovianum. Прага, 1928. Т. 2. С. 366–368.
27. *Бицилли П.М.* Этнические имена в варварских правдах // Анналы Института имени Н.П. Кондакова. 1940. Т. XI. С. 294–296.
28. *Кизеветтер А.А.* Историческая наука на съезде в Праге // Руль. Берлин, 1924. 14 октября. № 1175.
29. *Кондаков Н.П.* Дневники 1922–1923 гг. Фрагменты // Воспоминания. Дневники. Беседы. Русская эмиграция в Чехословакии / сост. и общ. ред. Л. Белошевской. Прага: Slovanský ústav AV ČR, 2011. Кн. 1. С. 251–316.
30. *Никифоров Н.И.* Сеньориальный режим во Франции в исходе старого порядка (преимущественно в Пуату). Париж: [Б. и.], 1928. 286 с.
31. Одесский листок. 1919. 2 марта. № 56. С. 5.
32. Письма П.М. Бицилли к А.Л. Бему / публ., подгот. текста, примеч. М. Бубениковой и Г. Петковой // Новый журнал. Нью-Йорк, 2002. № 228. С. 122–150.
33. Постановления съезда русских ученых // Руль. 1924. 5 октября. № 1168.
34. *Расовский Д.А.* Хинова // Seminarium Kondakovianum. Прага, 1936. Т. VIII. С. 301–306.
35. Русский заграничный исторический архив в Праге — документация. Каталог собраний документов, хранящихся в пражской Славянской библиотеке и в Государственном архиве Российской Федерации / сост. Л. Бабка, А. Копрживова, Л.И. Петрушева. Прага: Славянская библиотека, 2011. 564 с.
36. *Янчаркова Ю.* «Теперь же уходя в небытие...»: Письма А.П. Калитинского и М.Н. Германовой сотрудникам Археологического института им. Н.П. Кондакова, княгине Н.Г. Яшвиль, Д.А. Расовскому, Н.П. Толлю // Rossica 2007: Научные исследования по русистике, украинистике и белорусистике. Praha, 2007. С. 158–198.
37. *Бицилли П.* Десетгодишнина на «Институт имени Н.П. Кондакова» (1925–1935) // Славянски глас. София, 1936. Кн. 1. С. 56–57.

38. Бицилли П.М. Увод в изучаването на новата и най-новата история: Опит за периодизация. София: Художник, 1927. 341 с.
39. Stein S. Der «Romanus» in den fränkischen Rechtsquellen // Mitteilungen des Instituts für Österreichische Geschichtsforschung. 1929. Band 43. Heft 1–2. S. 232–250.

REFERENCES

1. Birman, M.A. “Dve stat'i P.M. Bitsilli o evraziistve (fragmenty iz issledovaniia)” [“Two Articles by P.M. Bitsilli on Eurasianism (Fragments from the Study)”]. *Curriculum vitae*, issue 2, 2010, pp. 27–33. (In Russian)
2. Birman, M.A. “P.M. Bitsilli i evraziitsy v 1922–1927 gg. (ocherki i fragmenty)” [“P.M. Bitsilli and Eurasianists in 1922–1927 (Essays and Fragments)”]. Korostelev, O., and Manfred Schrubba, editors. *Vokrug redaktsionnogo arkhiva “Sovremennykh zapisok” (Parizh, 1920–1940)* [Around the Editorial Archive of “Sovremennye Zapiski” (Paris, 1920–1940)]. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 2010, pp. 241–253. (In Russian)
3. Birman, M.A. *P.M. Bitsilli (1879–1953). Zhizn' i tvorchestvo* [P.M. Bitsilli (1879–1953). Life and Work]. Moscow, Vodolei Publ., 2018. 444 p. (In Russian)
4. Vasil'eva, M.A. “A.L. Bem, P.M. Bitsilli, D.I. Chizhevskii: metod 'melkikh nabljudenii'” [“A.L. Bem, P.M. Bitsilli, D.I. Chizhevskii: the Method of 'Small Observations'”]. Vasilieva, M.A., editor. *A.L. Bem i humanitarnye proekty russkogo zarubezh'ia* [A.L. Bem and Humanitarian Projects of the Russia Abroad]. Moscow, Russkii put' Publ., 2008, pp. 113–135. (In Russian)
5. Vasil'eva, M.A. “P.M. Bitsilli i D.I. Chizhevskii: k istorii odnogo 'zaochnogo' dialoga” [“P.M. Bitsilli and D.I. Chizhevskii: on the History of a 'Correspondence' Dialogue”]. *Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta, Series Philology, Journalism*, no. 1, 2008, pp. 18–24. (In Russian)
6. Galcheva, Tania N., and I.V. Golubovich. “Ponemnogu prisposabliaius' k 'nezavisishchim obstoiatel'stvam'”: P.M. Bitsilli i sem'ia Florovskikh v pervye gody emigratsii [“Little by Little I Am Adapting to the 'Circumstances beyond Control'”: P.M. Bitsilli and the Florovsky Family in the Early Years of Emigration]. Sofia, Solntse Publ., 2015. 320 p. (In Russian)
7. Grigorova, Darina. “Petr Bitsilli i evraziistvo” [“Piotr Bitsilli and Eurasianism”]. *B'lgarite i Severnoto Prichernomorie. Izsledovaniia i materialy* [The Bulgarians and the Northern Black Sea Coast. Research and Materials], vol. 10. Odessa, Veliko Tyrnovo, Asta Publ., 2009, pp. 303–308. (In Russian)
8. Kaganovich, B.S. “K teme: P.M. Bitsilli i evraziitsy” [“To the Subject: P.M. Bitsilli and Eurasianists”]. Korostelev, O.A., editor. *Diaspora: Novye materialy* [Diaspora: New Materials], issue 2. St. Petersburg, Feniks Publ., 2001, pp. 291–299. (In Russian)

9. Kovalev, M.V. ““Na etikh s”ezdakh my rastem i v svoikh, i v chuzhikh glazakh:’ iz istorii nauchnykh kommunikatsii russkoi emigratsii (1921–1930)” [““At These Congresses We Grow Both in Our Own Eyes and in the Eyes of Others:’ from the History of Scientific Communications of the Russian Emigration (1921–1930)”]. *Rossia XXI*, no. 5, 2013, pp. 84–107. (In Russian)
10. Petkova, Galina. “Metaliteraturnyi proekt P.M. Bitsilli: mezhdru Salimbene i Pushkinym (opyt rekonstruktsii)” [“Meta-Literary Project of P.M. Bitsilli: between Salimbene and Pushkin (Experience of Reconstruction)”]. *Rossica 2007: Nauchnye issledovaniia po rusistike, ukrainistike, belorusistike* [Ros-sica 2007: Scientific Research in Russian, Ukrainian and Belarusian Studies]. Prague, 2007, pp. 115–122. (In Russian)
11. Tunkina, I.V. ““Delo’ akademika Zhebeleva” [““The Law Case’ of Academician Zhebelev”]. *Drevnii mir i my: Klassicheskoe nasledie v Evrope i Rossii* [The Ancient World and Us: Classical Heritage in Europe and Russia], issue 2. St. Petersburg, Dmitrii Bulanin Publ., 2000, pp. 116–161. (In Russian)
12. Shamanaev, A.V. ““Nash dom ochutitsia v zone voennykh deistvii’ (N.P. Kondakov o zhizni Ialty zimoi 1917/18 goda)” [““Our House Was in a War Zone’ (N.P. Kondakov about the Life of Yalta in the Winter of 1917/18)”]. *1917 god v Rossii: sotsialisticheskaiia ideia, revoliutsionnaia mifologiia i praktika* [1917 in Russia: a Socialist Idea, Revolutionary Mythology and Practice]. Ekaterin-burg, Ural Federal University Publ., 2016, pp. 343–351. (In Russian)
13. Veleva, Maria. *Balgarskata sadba na prof. P.M. Bitsilli* [The Bulgarian Destiny of Professor P.M. Bitsilli]. Sofia, Gutenberg Publ., 2004. 164 p. (In Bulgarian)
14. *Kronika kulturního, vědeckého a společenského života ruské emigrace v Česko-slovenské republice*, part 2: 1930–1939. Praha, 2001. 640 s. (In Czech)
15. Rhinelander, Laurens Hamilton. “Exiled Russian Scholars in Prague. The Kondakov Seminar and Institute”. *Canadian Slavonic Papers*, vol. XVI, no. 3, 1974, pp. 331–352. (In English)
16. Roudet, Robert. “Mazon et le Slovo d’Igor”. *Revue des Études Slaves*, vol. 82, no. 1, 2011, pp. 55–67. (In French)

Дата поступления статьи: 7 августа 2021 г.

Дата одобрения рецензентами: 22 февраля 2022 г.

Дата публикации: 26 декабря 2024 г.

Received: 7 August 2021

Approved after reviewing: February 22, 2022

Date of publication: December 26, 2024

Илл. 1. П.М. Бицилли, А.А. Кизеветтер (сидит), Е.В. Спекторский (?), неизвестная. Прага, 1924. Из личного собрания Л.Н. Белошевской (Прага)

Fig. 1. P.M. Bitsilli, A.A. Kiesewetter (sitting), E.V. Spektorsky (?), unidentified woman. Prague, 1924. From the personal collection of L.N. Beloshevskaya (Prague)